

С-24

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. В. И. ЛЕНИНА

На правах рукописи

СВЕНЦИЦКАЯ И. С.

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ МАЛОЙ АЗИИ
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО И РИМСКОГО ПЕРИОДОВ

диссертация написана на русском языке

(специальность № 07573 — всеобщая история)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

МОСКВА— 1971

Работа выполнена в Московском Государственном Заочном Педагогическом Институте.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук проф. *Г. Л. КУРБАТОВ*

доктор исторических наук проф. *С. Л. УТЧЕНКО*

доктор исторических наук *Е. М. ШТАЕРМАН*

Ведущее высшее учебное заведение, дающее внешний отзыв — Ленинградский Государственный Педагогический Институт имени А. И. Герцена.

Автореферат разослан « . . . » 197 . . г.

Защита диссертации состоится « . . . » 197 . . г.

на заседании совета по присуждению ученых степеней исторического факультета Московского ордена Трудового Красного Знамени государственного педагогического института имени В. И. Ленина, Москва, М. Пироговская ул., д. 1.

Отзывы направлять по адресу: Москва, Г-435, М. Пироговская, д. 1, МГПИ имени В. И. Ленина, научная часть.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института.

Ученый секретарь совета

Проблема земельных отношений — т. е. отношений к средствам производства и между людьми в процессе сельскохозяйственного производства — занимает важное место в изучении основных закономерностей развития древних обществ. В диссертации характеризуется развитие земельных отношений в одном определенном районе — западной Малой Азии эллинистического и римского периодов: со времени после завоеваний Александра Македонского и кончая III в. н. э., рубежом между Ранней и Поздней империей. Район этот представляется достаточно интересным, так как в нем переплелись разнообразные этнические элементы, различные экономические, социальные и политические формы при сходстве природных условий, которые позволяют рассматривать западную Малую Азию как единый географический район.

Под западной Малой Азией мы понимаем географическую область западная Анатолия, а также прилегающие острова — конкретно те районы, которые образовали римскую провинцию Азию: Троада, Мисия, Иония, Лидия, Кария, Фригия и ряд островов Эгейского моря, самые крупные из которых — Самос, Хиос, Лесбос, Родос.

Земельные отношения Малой Азии привлекали внимание ряда исследователей: Ростовцев, Тарн, Броутон, Бикерман, Завадский — в зарубежной историографии; А. Б. Ранович и Е. С. Голубцова — в советской. Большинство исследователей рассматривало материалы эллинистической и римской эпохи изолированно. Значительные расхождения во взглядах вызывало определение форм зависимости основных производителей на землях эллинистических царей — так называемых лаой, а также положение земледельцев, зависимых от городов с полисным устройством. Большинство западных исследователей рассматривают лаой как крепостных, сервов. Историки-марксисты в целом выступают против концепции феодализма в древнем мире, но формы зависимости непосредственных производителей в сельском хозяйстве трактуются ими различно: личная зависимость существует (Завадский, Голубцова) — она отсутствует (Ранович); лаой не имеют никакой организации (Завадский); они связаны с общинной организацией (Ранович). На роль общины в эллинистический период также нет единой точки зрения: община разлагается и существует в виде пережитка (Ранович) — общинная организация характерна для значительной части сельского населения эллинистической Малой Азии, за исключением лаой (Завадский, Голубцова).

Экономическое развитие малоазийских провинций в системе Римской империи вызывает меньше расхождений во мнениях. Роль крупного частного землевладения признается почти всеми исследователями. Большинство признает также сокращение к периоду Поздней империи городских земель и падение роли городов. Но и здесь остаются точно не определенными формы зависимости непосредственных производителей. Неясны вопросы о том, как соотносились различные типы земельных владений и держаний и статусы работников; какова была действительная роль рабов в сельском хозяйстве и форма их эксплуатации; в чем выражалась зависимость общины и можно ли говорить об их разложении. Недостаточно прослежена связь эллинистических форм земельных отношений с римскими и их преобразование. Другими словами, остается нерешенной такая важная проблема, как сущность ведущей тенденции в развитии земельных отношений западной Малой Азии эллинистического и римского периодов.

Отсутствие единой концепции экономических отношений в интересующих нас районах связано не только с методологическими позициями отдельных ученых, но и с характером дошедших до нас источников. Нарративных источников мало, и они содержат отдельные отрывочные сведения. Основными источниками являются надписи, которые распределены очень неравномерно по районам и периодам. Большинство надписей происходит из городов; сельские местности в значительной части представлены только надгробиями и посвящениями. В целом, приходится оперировать случайными данными, хронологически, географически и тематически разрозненными. В этих условиях для того, чтобы выявить основные связи между явлениями, определить направление экономического развития, кажется возможным исследовать материалы одной, сравнительно небольшой и единой в географическом отношении области на протяжении значительного отрезка времени (600 лет в настоящем исследовании), привлекая и синхронные аналогии из районов, наиболее близких по социально-экономическим условиям.

Чтобы иметь возможность сравнить уровни развития земельных отношений, проследить эволюцию форм зависимости, в работе даны три хронологических среза: земельные отношения IV в. до н. э., которые застали в Малой Азии греко-македонские завоеватели, эллинистического периода, времени империи (I—III вв. н. э.). Структура и объем срезов не подобны; они определялись характером источников и спецификой форм земельной собственности. Так, для эллинистического периода частное землевладение рассматривается в связи с царским и городским, поскольку, по нашему мнению, независимой частной собственности на землю не существовало; в римском разделе мы объединяем императорское и независимое от городов крупное землевладение в силу целого ряда схожих черт. Источники позволили также дать специальный обзор земельных отношений в сельских общинах римского времени, чего нельзя было сделать для периода эллинизма из-за незначительного материала.

Диссертация состоит из введения, семи глав и заключения, где сопоставляются выводы отдельных глав и на основании этого сопоставления делается попытка установить закономерности развития форм земельной собственности¹, выявить причины их смены и определить типы зависимости непосредственных производителей в сельском хозяйстве.

В I главе «Аграрные отношения западной Малой Азии перед греко-македонским завоеванием» рассматриваются данные нарративных источников (Ксенофонт, Арриан, фрагменты, приведенные у Афиней и др.) и надписей, относящихся к самому концу V—IV вв. до н. э. Материал, исследуемый в этой главе, позволил сделать вывод о наличии в западной Малой Азии разных форм земельной собственности — племенной, городской, царской (или собственности династов типа Гекатомнидов). Право собственности на землю отдельных индивидов, даже если они имели возможность распоряжаться принадлежавшими им участками (например, на городских территориях) было обусловлено внеэкономическими факторами: либо принадлежностью к определенному коллективу — родо-племенному, гражданскому, либо к служилой знати, получавшей свои владения от царя. В Малой Азии IV века все эти формы связанной земельной собственности — земли племен, городов, персидской знати и династов существовали в известной мере изолировано друг от друга. Лучшее всего нам известно о городской земельной собственности. Значительная часть земель входивших в территорию того или иного полиса, находилась в собственности граждан: она могла отчуждаться. Купля-продажа земли должна была приводить к концентрации земельной собственности. Однако, то немногое, что мы знаем о частных земельных владениях на территории малоазийских городов IV в., позволяет говорить о существовании там (а если принять во внимание более поздние данные, то и о преобладании) мелкого и среднего землевладения. Не слишком большие хозяйства были хорошо приспособлены для развития оливководства и виноградарства, но нормально функционировать они могли только при дополнительной поддержке извне, поскольку мелкое хозяйство в условиях относительно низкой техники неустойчиво. Такой поддержкой был общественный фонд города, складывавшийся из различных поступлений (в том числе лодати с зависимых племен, там, где эта зависимость существовала) и попадавший к гражданам посредством организации различного рода раздач и празднеств. Не меньшее значение для поддержания средних слоев гражданства имела общественная, т. е. находившаяся в распоряжении полиса в целом, земля. Эта общественная земля частично могла распределяться на клеры — определяемые городом земельные наделы (надписи Ясоса, Приены, Зелен) или сдавать-

¹ Под правом собственности на землю, как указано в Введении, мы понимаем право извлечения дохода своею властью (что не всегда совпадает с фактическим владением) и право распоряжения в максимальных пределах, определяемых правовыми нормами (обычными или государственными) данного периода.

ся в аренду. Чем меньше становилось свободных земель, тем большую роль должна была играть аренда общественной земли, по сравнению с раздачами клеров, но и эта форма давала доступ к земле малоземельным гражданам.

Дуализм земельной собственности в греческих полисах — важнейшая черта их экономической организации, позволявшая сохранять известное единство гражданского коллектива и известную стабильность мелкого и среднего хозяйства граждан.

Однако, эта стабильность покоилась на весьма шатком основании. Отчуждаемость земельных наделов граждан все время приводила к нарушению экономического равновесия внутри полисов; наряду с контролируемым распределением общественных земель в IV в. появляются случаи их самовольного присвоения, захвата (надпись Зелей о расследовании по поводу незаконного владения общественными землями).

Обособленно от городских земель существовала племенная собственность. Зависимость отдельных племен от городов (педиеи, фригийцы, мариандины) не слишком значительно меняла внутреннюю экономическую организацию этих племен поскольку, как показывает анализ источников, отношения господства и подчинения выражались во взимании дани с племени в целом. Земельными владениями зависимых племен господствующий город, как можно судить на основании надписей Приены и Зелей, не распоряжался.

Хотя в IV в. древние отношения данничества трансформировались, и между господствующим коллективом (полис) и подчиненным (племя) возникли более тесные связи (использование, по свидетельству Аристотеля, в Гераклее во флоте негражданского сельского населения), тем не менее обособленность племенного мира продолжала сохраняться. Объясняется эта специфика Малой Азии, на наш взгляд, тем, что при отсутствии сильной централизованной власти, в обстановке постоянной междоусобной борьбы городов друг с другом и с окружающими племенами, господствующие полисы не могли ни лишить земли, ни превратить в рабов подчиненные им племена. Эти последние сохраняли известную внутреннюю самостоятельность и определенную земельную территорию.

В источниках почти нет сведений об использовании рабов в сельскохозяйственном производстве. Рабство существовало на землях персидской знати (рабы Асидата из «Анабасиса» Ксенофонта). В эти земли входили также и деревни, но конкретно ни о положении рабов, ни о положении жителей деревень, подчиненных Асидату, ничего неизвестно. Возможно, граждане полисов применяли на своих землях труд рабов, полностью лишенных средств производства.

Во второй, третьей и четвертой главах («Царское землевладение, «Образование крупных городских объединений», «Земельные отношения в городах эллинистического периода») рассматривают-

ся различные типы земельной собственности и формы зависимости непосредственных производителей.

Завоевания Александра Македонского и образование новых государств, в которые вошла территория западной Малой Азии, нарушило традиционную систему связей, существовавшую в предшествующий период. Самым существенным последствием этого процесса явился, с моей точки зрения, распад племенных связей, перекраивание племенных территорий, уничтожение обособленной племенной земельной собственности. С конца IV в. до н. э. (это зафиксировано в известном письме Александра Приены о создании его личных земельных владений) и до образования на территории Малой Азии римских провинций земли западных районов были поделены между царями и полисами. Общины — родовые, земельные или соседские (для начала эллинизма трудно определить характер общин; вероятно, разные племена находились на разных ступенях развития) оказались подчиненными царю или городу. Племенные территории во многих районах перестали существовать как нечто единое — часть их оказалась в ведении царской администрации, часть — в ведении городов, причем и это разделение не было постоянным: царская земля могла стать городской, земли одного города перейти к другому.

Значительное место в эллинистических государствах стал занимать фонд царской земли, который начал создаваться еще при Александре. Использование царского фонда было различным — непосредственная эксплуатация жителей деревень — «царских людей» казной царя, передача земли царским служащим и приближенным, организация военно-земледельческих поселений — ка-текий.

Хотя царский земельный фонд просуществовал в западной Малой Азии в течение 200 лет — со времени походов Александра до образования провинции Азия — не создалось единой устойчивой системы использования царских земель. Образованный путем военных захватов и перераспределения собственности царский земельный фонд не был стабильным (в особенности, во владениях Селевкидов): мы имеем ряд случаев передачи царской земли городам как непосредственно, так и путем дарования права приписки к городу частных владений, полученных от царя. В наделении землей частных лиц, если судить по отдельным надписям, не было единых правил — земля давалась за службу (смотритель гаваней в надписи Аристоридикида), передавалась в собственность с правом включить в территорию города (случай Аристоридикида и Лаодики), отдавалась под полномочное управление крупного вельможи (стратег Птолемей в Сирии). Как показывает надпись Мнесимаха, заложившего земли за долг храму Артемиды, с царских земель, переданных частному лицу, платились подати в царскую казну; переписка же Антиоха III со стратегом Птолемеем создает впечатление полного невмешательства государственной администрации — в том числе и финансовой — в дела на территории, подвластной стратегу Птолемею. Люди, получившие землю от царя,

стремились полностью ею распоряжаться: закладывать за долги (Мнесимах), освободиться от контроля царских чиновников (стратег Птолемей) и, наконец, полностью изъять свои земли из царского фонда (приписка к городу). Военные земледельцы — катеки также в конце концов получали право отчуждения земли в пределах своего поселения (как граждане — в пределах полиса). Такое, в известной мере, неустойчивое положение царского земельного фонда в Малой Азии было связано с тем, что здесь не было экономических основ для существования крупной царской собственности, так как не было необходимости в значительных ирригационных работах, которые не были бы под силу отдельной общине или городу. Кроме того, это был период высокого развития товарно-денежных отношений; на территории городов земля давно уже стала объектом купли — продажи; система условного владения землей царскими служащими противоречила этим процессам, сковывала развитие индивидуального хозяйства и индивидуальной инициативы. Поэтому подчас самим царям было выгоднее передавать землю самоуправляющимся поселениям и взимать с них налоги, чем эксплуатировать эти земли непосредственно. С образованием провинции Азии система условного владения царской землей, естественно, перестала существовать.

Сельское население на царских землях называется в эпиграфических источниках «царские люди» или просто «люди» (лаой), если речь идет о жителях территорий, переданных царем отдельным лицам. Немногочисленные данные о них свидетельствуют, что лаой были жителями деревенских общин. Единичные, в известной мере случайные сведения об отдельных зависимых деревнях различны. Форма подати: денежная и натуральная. Обложение: пообщинное, возможно, подворное (надпись Мнесимаха) и подушное (последнее засвидетельствовано в деревне кардаков в Пергамском царстве). Связь с общиной: непризнание со стороны царской власти права выхода из общины и фактическое распространение переселения, с которым цари, как кажется, не вели реальной борьбы. «Люди» владели имуществом, обладали известной хозяйственной инициативой, поскольку важную роль играла денежная форма подати.

Связь земледельцев с общиной, существование пообщинной зависимости — пожалуй то единственное общее, что можно с определенностью заключить в отношении юридического статуса «царских людей» в малоазийских владениях Селевкидов и Атталидов. Цари могли передавать земли с деревнями в условное владение своим приближенным, сохраняя налоговый контроль со стороны своей казны; в отдельных случаях могли полностью отказываться от какого бы то ни было вмешательства во внутренние дела вельможного владения. Жители деревень, находившихся на земле частных лиц обязаны были «податью денежной и трудовой» (надпись Мнесимаха), но их положение нельзя приравнять ни к рабству, ни к крепостничеству (ни к **полу** — рабству, ни к **полу** — крепостничеству). И рабство и крепостничество — зависимость

личная; между тем земледельцы, о которых идет речь, в личной зависимости не находились: и Мнесимах, и Лаодика, и Птолемей получали права на доходы с деревень, и жители их находились под властью (управлением) частных лиц только в силу своей принадлежности к общине, расположенной на частной земле (или они находились под властью царя, если их община была расположена на земле царской). Мнесимах, надпись которого является основным источником по положению лаой на частновладельческих землях, закладывает деревни и доходы, но не лаой.

Сам термин лаой достаточно неопределен. Вряд ли он имел статусно-правовой характер; как показывает словоупотребление киренской надписи («лаой и города»), он обозначал царских подданных, не пользовавшихся правами гражданства в каком-либо полисе. Лично каждый отдельный представитель этой категории был «кометом», т. е. членом какой-либо общины — комы — паннукомитом, питокомитом и т. п. В римское время термин лаой исчезает, так как он выражал только отношение к царской власти.

Для периода эллинизма можно говорить о порабощении части сельского населения: введение денежных податей неизбежно вело к дифференциации среди земледельцев и к закабалению разорившихся. Сельские рабы Мнесимаха, если судить по их именам, местного происхождения. Местными жителями, вероятно, были и «задолженники», упомянутые Варроном. Особенностью малоазийского рабства этого периода было то, что рабы жили в деревнях, в своих домах, рядом с другими земледельцами — лаой. Сохраняя за рабом известную хозяйственную самостоятельность, землевладелец приспособлялся к основной форме организации труда в сельском хозяйстве. У него не было возможности (да и смысла) отрывать этих бывших общинников от средств производства и создавать дорогостоящий аппарат надсмотрщиков и управителей. Но вряд ли эти рабы были прикреплены к земле: Мнесимах закладывает их храму отдельно от земли, перечисляя поименно. В случае надобности господин, вероятно, мог распоряжаться ими как своей собственностью. Таким образом, рабство — т. е. полная собственность на личность работника, была той формой личной зависимости, которую порождало вторжение денежных отношений в сельские общины, но фактически целесообразно было оставлять в распоряжении этих людей средства и орудия производства, создавая таким путем у рабов некоторую заинтересованность в результатах своего труда. Рабский труд, по-видимому, не был основным на землях, переданных царем частным лицам.

Значительную роль в системе земельных отношений в III—I вв. до н. э. играло полисное землевладение, которое в интересующий нас период претерпело некоторые изменения.

Полис давал своим гражданам возможность свободно распоряжаться землей, проявлять хозяйственную инициативу и в то же время он обладал известными внешними ресурсами для поддержки мелких и средних собственников — граждан.

В политических условиях III—I веков в западной Малой Азии,

которая была арендой военных конфликтов, значение этих внешних (для гражданского коллектива) ресурсов все время возрастало.

Существенной чертой в социально-политическом развитии Малой Азии и Эгеиды в эллинистический период было создание крупных городских объединений, т. е. выделение ведущих крупных полисов, подчинявших себе и сельские общины с негражданским населением и другие более мелкие города. Наиболее ярким примером такого «гипертрофированного» полиса являлся Родос, владевший значительными территориями на малоазийском побережье. Более древние владения были поделены на демы, жители их были родосскими гражданами. Но в III—II вв. Родос подчиняет себе большую часть Карию и Ликию, население которой управлялось должностными лицами, присланными с Родоса, платило подать в родосскую казну; по выражению ликийских послов, приведенному у Ливия, родосцы стремились показать, что нет никакой разницы между местным населением и рабами, купленными за деньги.

Как показывает изучение надписей, сочетание территорий с гражданским и негражданским населением было характерным для всякого более или менее значительного полиса Малой Азии. Расширение «негражданских» территорий создавало преимущества для гражданского коллектива: возможность распоряжаться подачами с зависимых поселений, приобретать там землю (родосцы в Карию; возможно, геоктиты во Фракиокоме около Кизика). В территорию, подвластную крупному полису, входили другие полисы, различные самоуправляющиеся поселения (катекии, койна) и сельские общины.

В период эллинизма получают распространение союзы городов, внутри которых также выделяется господствующий город (Стратоникея в Хрисаорейском союзе) или несколько городов (метрополии в Ликийском союзе). Эти союзы имели общие органы управления; граждане союзных городов обладали правом владения землей на территории всего союза.

В эллинистических полисах, оказавшихся под властью Селевкидов или Атталидов, резко падает роль гражданского самоуправления. В таких полисах гражданский коллектив фактически был лишен свободы волеизъявления. Для царя полис был более удобной — чем сложный бюрократический аппарат — формой организации управления в областях, где не требовалось строгого хозяйственного контроля со стороны центральной власти. Городские должностные лица являлись на деле проводниками воли царя или царских эпитатов. В этих условиях основным фактором, связывающим гражданский коллектив, были преимущественные права граждан в области экономической, права на использование общественных фондов своего города, в том числе и доходов от подчиненных территорий.

Данные о положении в деревнях, зависимых от города, очень малочисленны. Надпись из деревни Евксинеев около Кавна позволяет сделать вывод о наличии (у этой деревни, во всяком случае) общедеревенской земли, которая там, как и во многих деревнях,

известных нам по источникам римского времени, была землей святилища; надпись также показывает проникновение в общину денежных отношений и существование имущественного неравенства. Общины на городской земле имели некоторые элементы самоуправления (общинные должностные лица — судьи, священный вестник, диойкет). Некоторые, также косвенные, данные позволили высказать предположение о возможном отчуждении земли в деревнях на городской земле (геоктиты во Фракиокоме, покупка земли в деревнях на территории Миласы — Олима). Если эти данные интерпретированы правильно, то они относятся к приобретению земли в деревне лицами и организациями (храмом), находившимися вне общины. У нас нет даже косвенных данных о движении земельной собственности внутри общины: не исключено, что в ряде местностей оно возникло именно под влиянием города: горожане навязывали общине отношения, сложившиеся в полисе.

Можно говорить о смешении племенных элементов и ликвидации племенной замкнутости на территориях, подвластных полисам. Довольно четкое и определенное разделение «город — племя», которое можно наблюдать в «Анабасисе» Ксенофонта, в зелейской и приенской надписях IV до н. э. затем сменяется более сложными правовыми градациями, в которых этнический момент не проявляется (исчезновение племенных названий подчиненного городу населения из малоазийских надписей).

Собственно городская округа, поделенная на демы, включала в себя два типа земельных владений: общественную землю и владения частных лиц (по преимуществу, граждан). Владения граждан, как показывают немногочисленные данные о продаже земли и о закладе с правом последующего выкупа или аренды, состояли из различных участков, расположенных в разных местах. Концентрация земли происходила за счет купли — продажи, перехода по наследству, заклада земельных участков. Рост отдельных частных владений мог происходить и за счет покупки общественных земель города (надпись Магнесии на Меандре). Данные, относящиеся к островам Эгейского моря, свидетельствуют о значительной мобильности земельной собственности, частой смене владельцев. Ресурсы, которые представляла «негражданская» территория в материковых городах, вероятно, создавала большую устойчивость частных владений, поскольку граждане имели возможность расширять свои земли за счет приобретения участков в деревнях.

В эллинистический период на городских территориях развивалась крупная земельная собственность (часть которой генетически восходила к царской собственности). Крупные землевладельцы стремились преодолеть полисные ограничения, в частности ограничения в отношении приобретения земли за пределами родного города, освободиться от контроля со стороны городских должностных лиц. В известной мере это противоречие разрешалось в рамках крупных городских объединений и союзов городов, но в этом случае в выигрыше оказывались только граждане городов господствующих или городов-метрополий.

Наряду с гражданами — собственниками земли в полисах существовала категория неграждан, пользовавшихся правом владения недвижимостью. Города вынуждены были иногда нарушать правило, согласно которому собственником земли мог быть только гражданин. Включение городов в более крупные государственные объединения, образование союзов городов, расширение экономических связей приводило к частому переселению из города в город, причем в переселении некоторых людей город мог быть заинтересован. Такие люди получали личное право владения недвижимостью. В качестве коллективной привилегии такое же право на основе взаимности могли получить граждане городов, заключивших между собой специальное соглашение (договор Магнесии с Фокеей). Таким образом, в этот период происходит постепенный отрыв права владения землей от права гражданства, появление земельных собственников — неграждан, хотя еще под контролем гражданского коллектива города (дарование права владения землей производилось по решению народного собрания).

Наряду с собственниками земли в малоазийских эллинистических полисах существовали (если следовать терминологии, употребленной в договоре Милета с Гераклеей на Латме) «обрабатывающие землю», т. е. все несобственники: поселенцы из местного населения (пареки), поселенцы из жителей других городов, арендаторы. Возможно, в эту категорию входили и жители деревень, подвластных городу.

Для эллинистических полисов характерно существование различных статусных групп неграждан: в надписях встречаются упоминания проживающих ксенов, пареков, катеков, реже метеков и эпойков (г. Димы). Наиболее распространена была в Малой Азии категория пареков (дословно — «живущих около»). Сопоставляя данные различных источников, можно прийти к выводу, что пареки — это определенная группа местного населения, получившая право жить в самом городе и селиться на городской земле. В городах существовали списки пареков; права их в качестве особой привилегии могли дароваться низшим статусным группам — вольноотпущенникам и общественным рабам.

Катеки были связаны с военными поселениями; наиболее часто этот термин в надписях городов встречается в I в. до н. э. после образования провинции Азии, когда часть бывших военных поселений Атталидов была по-видимому присоединены к городским территориям.

Негражданское население полисов не было лично зависимым. С точки зрения основного статусного деления — «свободный — раб» они считались свободными (как это видно из надписи г. Дим о даровании прав гражданства эпойкам). Вероятно, на городской территории не была ограничена свобода переселения; земледельцы могли уходить из деревень: благодаря этому и создавалась прослойка переселенцев — пареков; из этой же среды могли выделяться и сельскохозяйственные рабочие (эргоны, упомянутые в эфесской надписи). Неясно, что происходило с деревнями и

«людьми» на пожалованных царем землях, которые частные лица приписывали к городу. Термин «лаой» в малоазийской городской эпиграфике не встречается; это понятно: там не могло быть противопоставления граждан городов и «подданных», так как гражданами считались только граждане данного города; для обозначения всей массы негражданского населения (и выходцев из других полисов и жителей деревень) употреблялось нейтральное выражение — «живущие в городе и в хоре», которые подразделялись на более мелкие статусные группы.

Частные лица, приписавшие землю к городу, конечно, продолжали пользоваться доходами с переданных им деревень (иначе приписка земли к городу не была бы привилегией), но, вероятно, этим и ограничивались их права. Все «живущие в городе и хоре» находились под контролем полисной организации.

Крупные собственники могли использовать в своих имениях рабов (возможно, рабов, посаженных на землю), батраков из жителей деревень. На землях городов, насколько можно судить по сопоставлению эллинистического и римского материала, было более распространено приобретение земли в деревнях, а не подчинение целых деревень. Имеющиеся данные не позволяют определить господствующий тип зависимости в частных хозяйствах. Общие соображения, касающиеся организации таких хозяйств, скорее говорят за то, что там не существовало в массовом масштабе использования рабов, полностью лишенных средств производства и работавших за счет господина, как в латифундиях Италии. Раздробленность земельных владений, характерная для городских территорий, наличие рабочих рук в общинах должно было препятствовать развитию такого типа эксплуатации рабов.

Характерной особенностью землевладения в эллинистических полисах было прямое обложение земельных владений, находившихся в частных руках. Взимание прямых налогов (десятины и др.) с собственности граждан ставило в известной степени эту собственность под контроль полиса в целом, создавало дополнительные источники поступлений в полисную казну, что позволяло вести более гибкую финансовую политику (в том числе и по обеспечению зерном всего городского населения).

В этот период по-прежнему значительную роль играла общественная земля (городская и храмовая). Как правило, эта земля сдавалась в аренду. Аренда могла быть крупная и средняя; были случаи субаренды. Интересны данные об аренде общественной (священной) земли в храмовых объединениях Карики (район Миласы—Олима), где храмовая и общественная земля совпадали. Судя по условиям арендных договоров (в особенности, если сравнить их с условиями аренды земель Делосского храма), можно сказать, что аренда общественной земли была не только и не столько средством извлечения дохода казной храмов, сколько средством, дававшим доступ к земле членам объединения, средством, сохранявшим взаимосвязь между членами коллектива (на это указывает коллективная аренда земли низовыми администра-

тивными единицами — сингениями; большое количество поручителей).

На арендованных землях земледелец был стеснен в проявлении хозяйственной инициативы — ему часто предписывалось до мелочей, что именно он должен вырастить (амийские арендные договоры). С одной стороны, это обеспечивало разведение выгодных для города сельскохозяйственных культур, но с другой стороны, противоречило тенденции развития индивидуального труда и индивидуальной инициативы.

Земля обычных городских храмов (не храмов «священных» объединений) делилась на «посвященную» и собственно «священную» (по терминологии договора Милета с Магнесией, согласно одному из пунктов которого спорная земля не может быть передана ни в качестве посвященной, ни в качестве священной). Анализ источников позволил установить разницу между этими двумя категориями земель. Обработка «посвященной» земли и использование доходов с нее определялось условиями посвящения; на такой земле по воле посвятившего могли быть поселены люди, обслуживающие культ. Посвятителем иногда был и полис («посвящение» земли Теосом объединению артистов Диониса). «Священная» земля использовалась различно — в зависимости от традиции, решения полиса или коллегии жрецов. Некоторые темны совсем не обрабатывались; большая часть их сдавалась в аренду.

В дошедших до нас малоазийских арендных договорах упомянуты только садовые участки и виноградники (зерно сеялось иногда между рядами деревьев). Вообще, по-видимому, среднее землевладение горожан базировалось на садоводстве и виноградарстве. Эти культуры было выгодно разводить на небольших, разбросанных участках, которые можно было обработать сравнительно небольшим количеством работников. Вино, фиги, масло, благовония были предметами экспорта малоазийских городов. Зерно, как полагают некоторые косвенные сведения в источниках, в основном производилось в деревнях на царской и отчасти городской земле и составляло основу натуральных податей.

Полисная организация была удобной формой для сохранения мелких и средних землевладельцев; однако любое сокращение внешних ресурсов грозило разорением этим слоям. К таким же последствиям, хотя может быть и не столь быстро ощутимым, должно было приводить и массовое увеличение состава граждан, к которым полисы иногда вынуждены были прибегать (например, Эфес во время Митридатовой войны). Развитие экономических и политических связей между городами, сложные ситуации, возникавшие в результате постоянной борьбы на территории Малой Азии между различными государствами (когда менялись правители, складывались и распадалась союзы, и зависящее население включалось в борьбу против господствующего полиса) — приводили к необходимости все время расширять раздачу гражданских (или иногда только имущественных) прав отдельным лицам и социальным группам. Но в то же самое время необходимо было

ограничивать коллектив граждан численно и, в особенности, ограждать его от притока малоимущих граждан. Последним соображением объясняется появление в ряде городов имущественного ценза для новых граждан («шестиминные» граждане в Эфесе, уплата денег при получении гражданства в Димах и т. п.).

Хотя богатые слои городов пользовались экономическими преимуществами, все же существование ограничений на приобретение земли для граждан других городов несколько тормозил процесс концентрации земли в частных руках. Можно думать, что проримские симпатии, существовавшие во II в. до н. э. у городской верхушки, объяснялись стремлением к объединению, к уничтожению в системе огромного государства межполисных перегородок.

Подчинение части Малой Азии Риму после 133 г. до н. э. и образование провинции Азии не означало коренного изменения в развитии этих областей. В период республики хищническая эксплуатация провинции и продолжавшиеся войны аннулировали те преимущества, которые могли проистекать из установления экономических связей с Италией и западными областями Средиземноморья. Только с начала империи мир и упорядочение податной системы создали условия для дальнейшего нормального экономического развития. Воздействие центральной власти на жизнь провинции стало постоянно действующим фактором.

Анализу земельных отношений провинции Азии в период империи посвящены три главы: «Городская земельная собственность провинции Азии в I—III вв. н. э.», «Организация императорского и частного землевладения в I—III вв.», «Земельные отношения в сельской общине провинции Азия».

Характерной особенностью политики римлян в отношении городов было предоставление статуса полисов небольшим городкам и поселениям, освобождение их из-под контроля более крупных городов: римляне стремились экономически и политически ослабить городские объединения, сложившиеся в предшествующий период. Мелкие города чеканили собственную монету, решали некоторые внутренние дела, но в целом полностью находились под контролем центральной власти.

Одним из наиболее существенных явлений в развитии земельных отношений на территории малоазийских городов в первые века нашей эры было постепенное уничтожение внеэкономических ограничений в отношении права собственности на землю, прежде всего ограничений, которые были связаны с обязательной принадлежностью к гражданскому коллективу. Еще во времена республики появление в городах римлян-поселенцев фактически изменило положение различных статусных групп населения полисов: неграждане-римляне оказались в более привилегированном положении, чем граждане. Римляне скупали земли на территории полисов, могли принимать участие в постановлениях народного собрания («совет, народ и живущие римляне»), не обладая специально дарованными правами гражданства. Существовали римляне-патроны городов (по данным I в. н. э. они назначались сенатом).

В период империи широкое распространение получает приобретение гражданства отдельными людьми во многих городах (множественное гражданство), а также взаимное гражданство целых городов. Анализ эпиграфического материала позволяет сделать вывод, что стало возможным приобретение земли на территории любого города. В почетных декретах перестало упоминаться дарование особого права на владение недвижимостью.

Можно говорить о продолжающемся росте крупных земельных владений на городских территориях. Эти владения по-прежнему, как правило, были разбросаны в разных районах. Земельные кадастры из провинции Азия (конец III — начало IV вв.) указывают на существование земельных владений горожан в деревнях (Гипайпы). В Магнесии на Меандре у 25 процентов всех собственников было больше половины обрабатываемой земли. На частных землях горожан сочетался труд рабов и поселенцев-пареков; в кадастре с о-ва Феры прямо сказано, что рабы были посажены на землю.

Рост крупных частных владений приводил к сокращению общественного земельного фонда городов. Это сокращение началось еще в период гражданских войн (продажа священной собственности в г. Кимах). Отдельные попытки императоров (Август, Адриан) восстановить общественную собственность не приводили к существенным результатам.

В римский период полис окончательно перестает быть «гражданской общиной», а становится административным центром, выборные должностные лица которого к Поздней империи превращаются в замкнутое сословие, которое присваивает общественные земли города и использует городские ресурсы в целях личного обогащения.

Вообще, наличие крупной земельной собственности как на территории города, так и вне его — характерная черта земельных отношений провинции Азии. Императорское землевладение первоначально тоже выступало как своего рода частное; организация императорских доменов и крупных имений не отличалась ни в чем существенном. Поэтому в диссертации вопросы организации императорских и частных (внегородских) земельных владений рассматриваются в одной главе.

Происхождение императорских доменов не связано непосредственно с царским земельным фондом, существовавшим до образования провинции Азия. Императорские имения возникли, начиная с I в. н. э., путем завещаний, покупки и конфискации.

На императорских землях не практиковалось условного наделения землей за службу; не существовало и особой правовой группы каких-либо «императорских людей» — или лаой. Земледельцы, обрабатывавшие императорские земли, назывались или кометами, или пареками, или (еще более обще) агройками — сельскими жителями. Те же самые термины применялись и к земледельцам на городской, частной или общинной земле.

На императорских землях основными производителями были жители деревень. Отдельные крупные арендаторы императорских имений имели дело с деревнями; в большинстве случаев управление малоазийскими доменами осуществлялось непосредственно через прокураторов. Рабы и вольноотпущенники Августов как правило использовались в аппарате управления доменами, но возможно и существование рабов (вольноотпущенников), владевших земельными наделами в деревнях. Косвенные данные позволяют сделать вывод об отчуждаемости земельных наделов в императорских деревнях. На землях доменов в I—III вв. не существовало прикрепления к земле, а скорее поземельная зависимость сельских общин. Земледельцы были обязаны натуральными податями и повинностями (в частности, ангариями).

Императорское землевладение отличалось от обычного частного своими размерами, разбросанностью по разным провинциям — и в данном случае количественные различия переходили в качественные. Крупное землевладение имеет экономические пределы для своего роста; необходимость содержать значительный аппарат, контролирующий и организующий сельскохозяйственное производство может в определенный момент привести к тому, что этот аппарат будет поглощать весь прибавочный продукт, производимый земледельцами, и даже часть необходимого. Такое положение сложилось в малоазийских доменах в III в. н. э., в период общего кризиса империи. Императорские чиновники просто грабили крестьян: никто из них не был заинтересован в сохранении платежеспособности земледельцев. Частные собственники, достаточно сильные, чтобы защитить своих работников от вымогательств чиновников стали серьезными соперниками императоров: лидийские колоны прямо угрожали, что они перейдут на частные земли, если злоупотребления чиновников не будут прекращены. Прикрепление работников к земле, которое происходило по указам императоров в IV в. н. э. соответствовало прежде всего их собственным интересам — сохранению рабочих рук в доменах.

Крупные частные земельные владения по своей структуре напоминали императорские. Многие такие владения находились в руках римских семей. Эти владения включали в себя целые деревни (ормелейцы на земле племянницы Марка Аврелия; катекия на земле Доминия Руфа и т. п.). Деревни на частных землях, как и в императорских доменах, сохраняли некоторое внутреннее самоуправление.

Поземельная зависимость сельских общин сосуществовала в частных хозяйствах с мелкой арендой и использованием рабского труда. Различные формы зависимости влияли друг на друга: рабов сажали на землю и селили их в подчиненных деревнях. Существование таких рабов, находившихся и в личной и в поземельной зависимости от господина, влияло и на положение крестьян-общинников. Землевладельцы должны были стремиться поставить под свой контроль отчуждение недвижимого и движимого имуще-

ства крестьян, отчуждение, которое происходило в значительных масштабах в связи с внедрением в сельскохозяйственное производство товарно-денежных отношений. Если когда-то для развития индивидуального хозяйства, интенсификации производства требовалось освобождение от традиционных ограничений, то теперь необходима была новая система внешнеэкономических ограничений, которая приостановила бы текучесть рабочих рук, потерю крестьянами наделов, частую смену владельцев земельных участков как в деревне, так и на городской территории. Товарно-денежные отношения в первые века империи привели к тому своего рода максимуму экономической «свободы» в земледелии, которая достижима при господстве мелкого хозяйства — без ущерба для нормального функционирования производства. Дальнейшее развитие этих отношений привело бы к полной дестабилизации общества. Натурализация хозяйства и юридическое оформление зависимости разных категорий земледельцев — две стороны одного и того же процесса преодоления разрушительных последствий господства денежных отношений.

Отчуждение земли, естественно, приводило к концентрации земельной собственности, а это, в свою очередь, ставило вопрос об обеспечении крупных имений рабочими руками. Ни латифундиальное (плантационное) рабство, ни пообщинная зависимость уже не могли быть основными формами зависимости в Поздней империи; первое уже давно доказало свою несостоятельность; вторая также перестала в достаточной степени обеспечивать постоянный состав работников, так как внутриобщинные связи разрушались. В конце III—IV вв. возникает индивидуальная поземельная зависимость (поселенцы-пареки в кадастрах Малой Азии и островов), а затем и личная зависимость, закрепленная в общеимперских указах и постановлениях по отдельным провинциям, в том числе по провинции Азия. Конкретный материал показывает, что в Малой Азии с III в н. э. усиливается зависимость от частных лиц жителей деревень, поселенцев и арендаторов. Этому процессу способствовали внутренние изменения, которые происходили в сельских общинах.

Община играла основную роль в организации производства на протяжении всего периода империи. Достаточно многочисленные (хотя и однообразные) эпиграфические памятники, происходящие из деревень, позволяют сделать вывод, что господствующим типом общины в западных районах Малой Азии была община соседская. Основной хозяйственной ячейкой являлась малая семья; индивидуальные наделы находились в распоряжении членов общины (завещание, дарение земли; возможно и продажа). Женщина могла наследовать имущество и распоряжаться им — для движимого имущества это безусловно. Поскольку на городских территориях никаких ограничений в праве распоряжения землей не существовало и женщины-землевладельцы могли иметь участки земли в деревнях (например, клер в деревне лирбетон), возможно это положение постепенно распространилось и на членов общин. Сущест-

вовали переселения из общины в общину, в общину включались вольноотпущенники. Последние становились полноправными членами общин и могли занимать там руководящие должности (например, должность казначея). Наряду с землей, находившейся в индивидуальном владении, в малоазийских общинах существовал общественный земельный фонд, судя по большинству наших данных, прежде всего земельный фонд местных деревенских святилищ, которым распоряжались должностные лица общины (комархи, например, могли сдавать эту землю в аренду). Земля святилищ была неотчуждаема. В общественной собственности находились и водные сооружения: искусственные водоемы, водопроводы (обычно они посвящались какому-либо божеству). В источниках очень мало сведений о коллективных работах общинников; при господстве неорошаемых культур такие работы в значительных масштабах по-видимому не велись. Основные связи между членами общины определялись совместным использованием общественных фондов, самоуправлением, которое позволяло регулировать как отношения внутри общины, так и отношения с внешним миром. В первые века империи мы имеем примеры создания новых объединений общинного типа (различные «соседства», «хориа», «объединение земледельцев и пареков» и т. п.). Это было связано с тем, что мелкие землевладельцы из бывших воинов, различные переселенцы, беженцы периода гражданских войн, оказавшись вне коллективов в провинции Азии, селились на городских, частных, императорских землях и создавали вторичные организации для защиты своих интересов, принятия общих решений и т. д. Политика Римского государства объективно способствовала развитию самоуправляющихся сельских коллективов, поскольку с образованием провинции Азии происходило ослабление и дробление крупных городских объединений.

Центральная власть использовала общину и в фискальных целях: собирать подати с поселения в целом удобнее, чем с каждого крестьянского хозяйства (и после введения Диоклетианом подушно-поземельного обложения для деревень были особые кадастры).

Соседская община благодаря наличию общественных фондов поддерживала мелкое крестьянское хозяйство; однако неизбежно внутри общины происходила имущественная дифференциация — происходила тем более интенсивно, чем больше развиты были на данной территории товарно-денежные отношения. В общинах появляются ростовщики. Неустойчивость крестьянского хозяйства, которую не могли компенсировать общинные ресурсы, особенно в кризисное время III века, приводила и к переселениям и к сокращению числа детей в семьях, во всяком случае, к сокращению числа взрослых детей, живущих в одной деревне с родителями (такой вывод можно сделать на основании анализа надгробных памятников ряда фригийских деревень).

Увеличивается в сельских общинах число так называемых «вскормленников», которые могли происходить и из рабов и из свободных. Иногда такие «вскормленники» наследовали имущест-

во (в семьях, где не было родных детей). Уход земледельцев из общины в III в. н. э. приводит к появлению категории поселенцев-пареков на частной земле (до этого времени существование пареков засвидетельствовано только для городских территорий).

Землевладельцы, приобретая участки в общинах, фактически ставили под свой контроль не только отдельных крестьян, но и целые общины, превращались в их патронов и евергетов.

Сельская община на определенном этапе создавала оптимальные условия для существования мелкого хозяйства; но индивидуальное хозяйство приводит к индивидуальной собственности на надел, которая в условиях товарно-денежных отношений означала не только право извлечения доходов (чем по существу являлось право собственности во всех обществах с преобладанием натурального хозяйства), но и право полного распоряжения ею. Нужна была новая система внешнеэкономических ограничений и внешнеэкономического принуждения, которая бы обеспечивала нормальное функционирование мелкого земледельческого хозяйства в сочетании с крупной собственностью. Рабство, хотя оно и не играло ни в один из рассматриваемых периодов ведущей роли в производстве, явилось «прецедентом» личной зависимости, которая в трансформированном виде была распространена на свободных земледельцев. При этой форме зависимости средства производства частично находятся в руках работника, но он не имеет права покинуть место своего происхождения, все его имущество считается собственностью господина (на деле это означало, что земледелец не мог им распоряжаться без ведома господина или патрона) и он ограничен в своих гражданских, в частности, судебных правах (см. указ императоров Аркадия и Гонория комиту Азии Небридию).

В «Заключении» подводятся некоторые итоги развития земельных отношений и форм зависимости непосредственных производителей в сельском хозяйстве. В начале рассматриваемого периода собственность на землю была обусловлена принадлежностью к определенному коллективу. Община продолжала быть основной формой организации непосредственных производителей. Она не являлась пережитком первобытного общества, но важным компонентом складывающегося классового общества. Община, благодаря системе ограничений в праве распоряжения землей, а также благодаря взаимопомощи, сохраняла мелкое хозяйство. Среди форм зависимости земледельцев значительное место занимали коллективные формы зависимости, в частности зависимость пообщинная. На протяжении эллинистического и римского периодов постепенно разрушались коллективные связи, существовавшие как среди господствующих слоев населения, так и среди эксплуатируемых. В III—II вв. в Малой Азии эксплуатация коллективов производителей осуществлялась посредством государственного аппарата и полисов, которые тоже в большинстве случаев представляли собой политическую организацию господствующего класса. В период Римской империи полисная организация постепенно разрушается;

связь с имперским государственным аппаратом используется для личного обогащения; по отношению к земледельцам крупные землевладельцы выступают как частные лица, иногда противостоящие государственным чиновникам. Коллективная зависимость земледельцев в конце рассматриваемого периода уступает место личной зависимости (при сохранении соседской общины, ограниченной в своих действиях контролем со стороны крупного землевладельца-патрона и евергета). Происходит, таким образом, замена одной системы внешнеэкономических ограничений (и принуждения) — другой, более индивидуализированной. Но в условиях господства сельскохозяйственного производства, основанного на ручном труде, без внешнеэкономических факторов невозможно было нормальное развитие экономики.

Основное содержание диссертации отражено в следующих работах:

1. Некоторые черты экономического развития западной Малой Азии в системе Римской империи «Вестник древней истории» № 2, 1956 г.
2. Храмовые объединения эллинистической Карии, УЗ ЛГУ, серия исторических наук, вып. 21, 1956.
3. Новые эпиграфические памятники Малой Азии и Эгеиды, «Вестник древней истории», 1956, № 4.
4. Зависимое население на землях городов западной Малой Азии в период эллинизма, «Вестник древней истории», 1957, № 3.
5. Категория паройкой в эллинистических полисах Малой Азии, «Вестник древней истории», 1959, № 2.
6. Эллинистическая Малая Азия в современной зарубежной литературе, «Вестник древней истории», 1960, № 2.
7. Земельные владения эллинистических полисов Малой Азии, «Вестник древней истории», 1960, № 3.
8. Сельская община Малой Азии в I—III вв. н. э., «Вестник древней истории», 1961, № 3.
9. Рабы и вольноотпущенники в сельских местностях провинции Азии, «Вестник древней истории», 1963, № 4.
10. К вопросу о гражданских и имущественных правах в эллинистических полисах Малой Азии, «Вестник древней истории», 1966, № 2.
11. Положение зависимого населения в Малой Азии V—IV вв. до н. э., «Вестник древней истории», 1967, № 4.
12. Гражданин и полис в эллинистических государствах, Eirene, VI, Praha, 1967.
13. Разрушение гражданского коллектива и полисной собственности в провинции Азии, «Вестник древней истории», 1969, № 3.
14. К вопросу о правовом положении различных групп населения эллинистического полиса, Gesellschaft und Recht im griechisch-römischen Altertum, Berlin, 1969, t. 2.
15. К вопросу о положении лаов в царстве Селевкидов, «Вестник древней истории», 1971, № 4.
16. Типы зависимости в эллинистической Малой Азии (тезисы доклада), «V всесоюзная сессия по древнему Востоку. Тезисы докладов», Тбилиси, 1971 г.